

Сад ирисов Виталия Вольфа

В болгарском языке словом "овидж" обозначается любовь к миру, жизни, окружающей природе. Именно этим чувством пронизаны полотна московского художника Виталия Вольфа.

В романтике его работ ощущается тревога и тоска. Не находя радости в настоящем, художник пытается найти утешение в воспоминаниях. На картинах Вольфа нет конкретных образов, только туманные реминисценции, ностальгия по ушедшему. Не травой забвения, но ирисами попросило поле памяти на его картинах. То желтый, то фиолетовый, то пурпурный, цвета запечкшейся крови цветок запечатлен на десятках холстов.

— Я думаю, что красота в сегодняшней жизни — это природа, цветы, человеческие отношения. Убежден, что необходимо создавать красивые переживания. Для меня цветок — неповторимое живое существо, вызывающее в душе множество чувств. Неподалеку от моей мастерской сохранились развалины какой-то заброшенной усадьбы. Когда-то здесь был, наверное, парк, цветники, сегодня же все заросло сорняком. И среди травы каждое лето распускается высокий гордый ирис.

Картина "Заброшенный сад", на которой безраздельно царствуют лиловые ирисы; — не раздумья ли о том, какой след оставляет после себя человек на земле? Над садами ирисов с картин Вольфа гуляет ветер судеб и слышится чуть уловимый шепот "мыслящего тростника".

— Как вы думаете, Виталий, достаточно ли художнику быть только хорошим профессионалом, чтобы картина находила отклик у зрителя?

— Я считаю, что в работу необходимо вложить максимум добрых чувств, излучающих энергию добра. А кто же, кроме автора, сможет наполнить картины этой энергией? Вообще под-

линное искусство не может нести темных чувств, пробуждать злобу, зависть.

— Глядя на ваши работы, невозможно представить, что их написал недобрый человек.

— Кто ж знает, плох я или хорош? Одно могу сказать: никогда в жизни себе не изменял, не сделал ничего, о чем мог бы пожалеть, не совершал поступков, которых могу устыдиться. Я начинал в трудное время, когда жизнь художника, его работа, успех целиком зависели от государства. Я занимался книжной графикой, плакатом, но никогда не был связан с политической конъюнктурой.

— В те годы живопись не занимала в вашем творчестве главного места?

— Рисовал я всегда. Но полностью отдался живописи не так давно. Знаете, художник вообще должен быть готов в любую минуту начать все сначала, бросить привычные занятия, чтобы выйти на новый творческий виток.

— Случайно ли ваши картины по необычной декоративности напоминают панно художников русского Серебряного века?

— Наверное, дело в совпадении взглядов на искусство. Мне нравится украшать жизнь людей, не навязывая им ничего, кроме Красоты. Суть моих картин в цвете, линии. Для меня каждый мазок кисти, как звук для композитора. Если нота фальшивит, то и в музыке не будет гармонии. А вообще я очень люблю "мирискусстников". Мне очень повезло: в художественной школе первой моей наставницей была ученица Серова. Она-то и познакомила меня с искусством той эпохи. Классе в пятом меня, представьте, ругали за увлечение Врубелем!

В окна мастерской глядела золотая осень, отражаясь в картине Вольфа. А мы говорили о любимом Виталием Борисове-Мусатове, о его призрачных, полных старинных туманов образах. К сожалению, полотна Виталия Вольфа большей частью уходят за рубеж, и мы лишены удовольствия их видеть.

— Как вы думаете, место ваших картин — в строгих музейных залах, в помпезных гостининых состоятельных господ или в уютных квартирках?

— Неважно, где будут висеть мои работы, главное, чтобы они соседствовали с человеком неравнодушным, способным их понимать и чувствовать.

Беседовала Татьяна БАСОВА.

